

Андрей Добролюбский

Имя дрока

Моей маленькой Лорке

«...Не приставали ли тут какие-то
странствующие каталаны?»
Профессор Ф.К. Брун

Интуиция профессора Бруна

В самом конце XVIII столетия граф Ян Потоцкий, автор знаменитой «Рукописи, найденной в Сарагосе», обнаружил на самых ранних картах-портоланах необычные названия средневековых якорных стоянок на нынешних одесских берегах – Джинестра (Ginestra, или Zinestra) и Флорделис (Flor de lisso). Впрочем, истолкование значений этих имен казалось, на первый взгляд, не слишком затейливым – первое из них переводится с итальянского как «дрок», или «метелка», а второе с испанского – как «лилия». Поэтому столетием позднее профессор Ф.К. Брун предположил, что итальянские моряки, «как должно думать, различные пункты однообразного берега нашего обозначали по предметам, которые на каждом из них в особенности бросались им в глаза».* Иными словами, дрок и лилии должны были здесь служить навигационными ориентирами для средиземноморских мореплавателей.

* Брун Ф.К. Берег Черного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV-го и XV-го столетий // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. – Одесса: Печатная типография Г. Ульриха, 1880, с. 72-97.

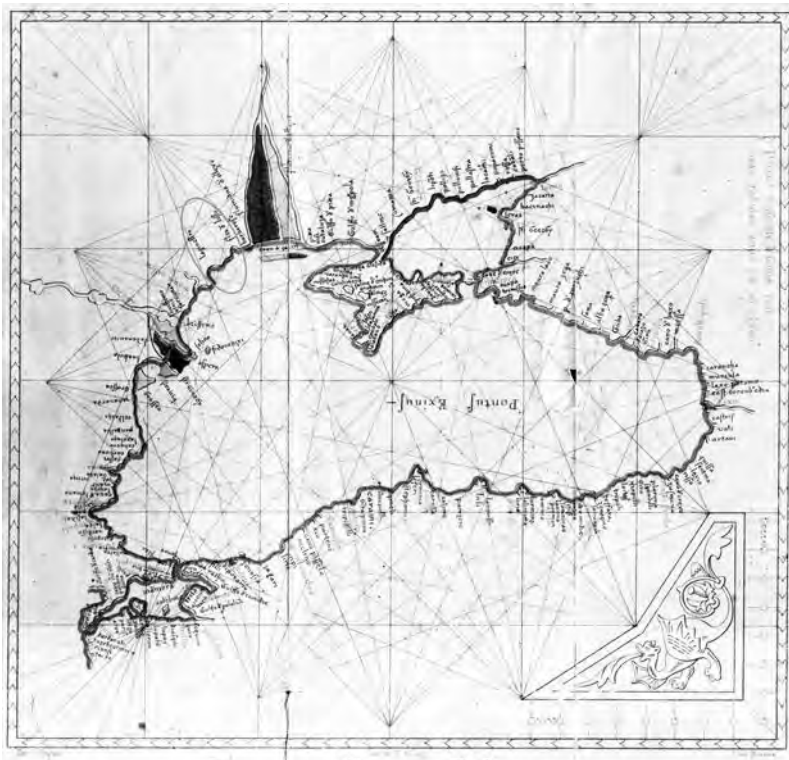
Но если сегодня попытаться забраться в «заросли Джинестры», или в кустарники дрока, на одесском побережье, то это будет не так легко. Потому как дрок здесь произрастает не более часто и густо, нежели в каких-либо других местах черноморского берега, и вряд ли в прошлом это было иначе. Равным образом кажется не слишком понятным, почему именно здешние заросли дрока могли показаться итальянским колонистам особо привлекательными для изготовления джинестр-метелок.

То же можно сказать и об устьях Большого Аджалыкского лимана, или Тилигула, – естественные заросли «флор-де-лис», или желтых ирисов, в них встречаются, по всей видимости, ничуть не чаще, чем в других местах. И трудно думать, что раньше было иначе.

Это значит, что для выяснения значения и смысла этих имен нужно искать другие пути. На возможности такого поиска указывает сделанная вскользь реплика того же Ф.К. Бруна о том, что Джинестра могла «быть прозвищем английских королей из дома Анжуйского», а «флор-де-лис» «напоминает нам старинный французский герб».

В самом деле, вовсе не секрет, что ветка дрока, именем которого обозначена Джинестра, – это геральдический цветок Анжуйской династии, а затем и Плантагенетов. Принято считать, что нормандский граф Жоффруа Красивый, он же граф Анжу, Мэна и Тура, во время одного из сражений водрузил на свой шлем цветущую ветку дрока, чтобы его соратники могли отличить его в гуще битвы. После победы дрок стал его личной эмблемой. Затем Жоффруа женился на Матильде, дочери короля Англии Генриха I, и тем самым получил права на английский престол. Их старший сын Генрих II был коронован в 1154 г. и стал основателем новой династии Плантагенетов (лат. *Planta Genista* – ветка дрока). Он был одним из самых могущественных монархов XII в., владения которого простирались от Пиренеев до Шотландии.

А происхождение золотой лилии на синем фоне традиционно связывается с королем франков Хлодвигом I, который во время битвы с алеманами при Толбиаке (496 г.) получил этот цветок от ангела в знак победы. И это решило исход сражения в пользу франков. И «цветок лилии», или «флёр-де-лис», со времен короля

Морская карта Пьетро Веконте. 1318 год

Хлодвига известен во всех гербах Капетингов и Валуа. Эти династии сосуществовали в XII-XV вв. с Плантагенетами в ближайшем историко-культурном соседстве. В подобном же топонимическом соседстве оказались якорные стоянки с именами дрока и лилии на черноморском побережье в XIII-XIV вв.

Такая геральдическая и в нашем случае картографическая близость имен дрока и лилии визуально воспринимается едва ли не как «интимная» – на десяти картах XIV-XV вв. топоним «ginestra» (или «zinestra») перепутан местами с топонимом «flor de lisso». Вряд ли это случайно. Значит, здесь может таиться некий исто-

рико-культурный смысл. Узнав его, мы сможем выяснить, кому, зачем и когда понадобилось называть стоянки именами дрока и лилий на нынешнем одесском берегу.

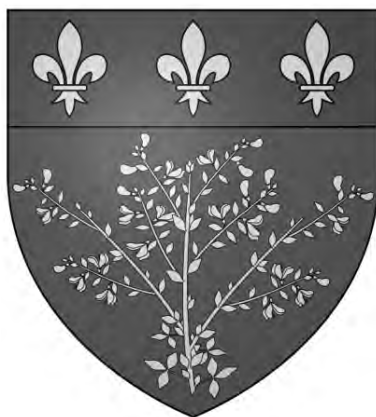
В самом деле, недоумевает Ф.К. Брун, «почему... слова, означающие этот герб, отмечены... по-испански... не приставали ли тут какие-то странствующие каталаны? Каталаны (то есть каталонцы, катал.: *catalans, catalanes*. – А. Д.) еще в 1290 году получили от императора Андронника право участвовать в черноморской торговле, которым, впрочем, едва ли могли пользоваться по причине ревности венецианцев и генуэзцев. Но так как вскоре спустя Роккафорте, один из начальников «Великой компании», готов был сочетаться браком с сестрою болгарского царя Святослава, вдовою Чакаса, сына Ногая, то барселонские моряки легко могли приставать к берегу Добруджи, тогда именно недоступному для генуэзцев, поссорившихся с царем Fedixclavbs'ом (болгарским царем Федором-Святославом. – А. Д.)... ..Каталаны, напротив того, были бы там приняты радушно, так как ими около сего времени разрушен был принадлежавший врагам царя (византийцам) военный порт Stagnera близ нынешней деревни Инада, на западном берегу Черного моря».*

И действительно, при самом поверхностном поиске ветки дрока – *Planta Genista* – обнаруживаются в качестве основной эмблемы на гербах именно Каталонии – это ныне существующие муниципалитеты Жинестар и Аржеллагер. Впрочем, такие же ветки украшают гербы коммуны Майерскаппель (Люцерн, Швейцария) и муниципалитета Манза (Овернь, Франция). Полностью же условиям нашего поиска отвечают гербы с веткой дрока и лилиями, пребывающими в ближайшем соседстве, – это гербы муниципалитета Жинеста (Лангедок – Руссильон, Франция) и коммуны Жентин (Овернь, Франция). Причем в обоих последних случаях гербы одинаковы – золотые лилии размещены сверху на синем фоне, а дрок – внизу на красном. Созвучие названий Жинестара и Жинесты с одесской Джинестрой позволяет думать вслед за Ф.К. Бруном, что ее имя (как и «*flor-de-lis*»), написанное

* Брун Ф.К. Судьбы местности, занимаемой Одессой. // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. – Одесса: Печатная типография Г. Ульриха, 1880, с. 160-188.

Герб коммуны Майерскаппель

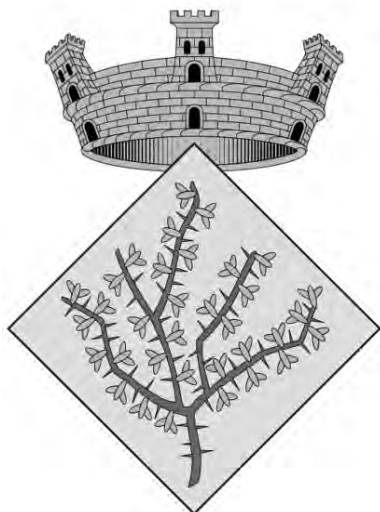

Герб коммун Жинестра и Жентин

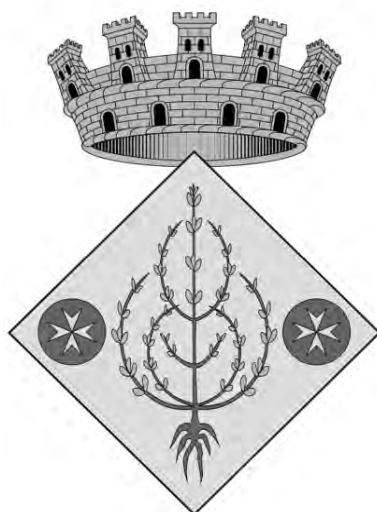
по-испански (или на средне-французском) могло быть принесено на наши берега из Каталонии или соседнего Русильона во времена «Каталонской кампании» (1303-1311 гг.). Именно тогда, в начале XIV в., эти названия впервые появляются в анонимном морском атласе «Тамар Луксоро», а затем на Морской карте (1311 г.) и в морском атласе Пьетро Весконтте (1318 г.). И если наши стоянки так поименовал каталонец, «один из начальников «Великой Кампании» Бернар де Рокафорт, то почему он им дал именно такие причудливые «цветочные» имена?

Для выяснения этих обстоятельств уместен, видимо, более глубинный поиск, который требует как бы погружения в социокультурные, социально-психологические и иные контексты эпохи, дабы вчувствоваться в ее особый духовный настрой и идеологические ориентации. Иными словами, ощутить дух времени, и в нашем случае, поскольку речь идет о цветах, его запах.

Следует выяснить историко-культурный смысл имен «Ginestra» и «Flor-de-lis» в их взаимной «конвертируемой» (близость – лат.: *conversatio*) близости и попытаться проникнуться этим интимным образом.

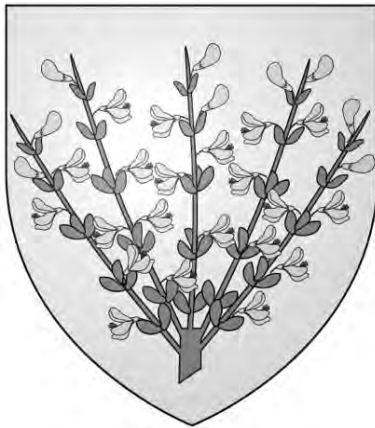
Герб коммуны Аржелагер, Каталония

Герб коммуны Жинестар

Наука такого вчувствования была придумана еще в IV-V вв. знаменитым Аврелием Августином (Блаженным) и названа герменевтикой (др.-греч. *ἑρμηνευτική* – искусство толкования). Поклонником этой науки стал со временем не менее знаменитый Вильгельм Дильтей, родоначальник «философии жизни» (наряду с Фридрихом Ницше). Дильтей был убежден, что исторические события и явления следует понимать и воссоздавать путем погружения в конкретную эпоху, их личного сопереживания, вживания в них как во фрагмент духовного целого. Ведь истину невозможно познать – истину можно только пережить. Такой прием позволяет эмпатически (*эмпатия*, греч. *ἐν* – в + греч. *πάθος* – страсть, страдание, чувство) войти в положение любого исторического персонажа и поставить себя на его место. Иными словами, это – «искусство постижения чужой индивидуальности».*

* Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М., 2004.

Герб коммуны Манза

Конечно же, для этого «...необходимо просвещенное и контролируемое воображение», – пишет выдающийся французский историк Жак Ле Гофф, – поскольку «...одна из величайших прелестей и одна из величайших опасностей исторической биографии – это связь, возникающая и развивающаяся между историком и его персонажем».*

Напомню, что основные методические средства гермевтики достаточно просты – это поиски сходств, подобий и аналогий. Это значит, что

стоит попытаться отыскать в историко-культурном контексте эпохи XIII-XIV вв. некий знаковый образец, или эталон, сочетающий в себе дрок и лилии в самом близком, интимном соседстве (как и наши якорные стоянки) в виде основных символов. Эти цветы были едва ли не самыми знаменитыми королевскими эмблемами в Европе. Поэтому такие поиски приходится вести на необозримых пространствах геральдической символики. Коль скоро стоянки Джинестра (дрок) и Флор-де-Лис (лилия) на одесском побережье являются ближайшими соседями, то и в геральдике их следует искать в одной связке.

После нескольких импульсивных погружений в туманные области средневековой эмблематики выяснилось, что самой подходящей кандидатурой оказывается рыцарский орден Дрока (L'ordre de la Cosse de genêts), основанный французским королем Людовиком IX Святым (1226-1270 гг.). Цепь этого ордена состоит из стручков дрока, которые чередуются с цветами лилий. Это – прекрасная улика, она наилучшим образом отвечает условиям

* Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001, с. 668-669. Автор, по его словам, вживался в образ своего героя 15 лет, и не скрывает, что влюблен в него.

нашего поиска. Ничто не мешает предполагать, что кто-то из кавалеров этого ордена пометил своими знаками наши берега в начале XIV в. Остается лишь выяснить, мог ли таковым быть упомянутый Бернар де Рокафорт. И как ему удалось такой орден заполучить?

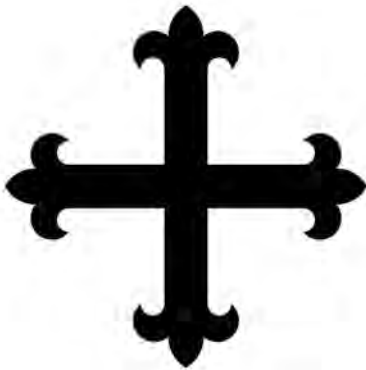
«Рыцари короны»

Орден Стручков дрока (*L'ordre de la Cosse de genêts*) нынче не слишком известен, разве что знатокам. Да и то редкостным. Существует легенда, согласно которой этот орден учредил Святой Людовик в 1234 г. по случаю его брака с Маргаритой Прованской и ее коронации. Церемония происходила в Сансе и сопровождалась большим пиром, во время которого Людовик IX основал новый рыцарский орден *Coste de Geneste* и посвящал в рыцари молодых аристократов. Это празднование обошлось королевской казне в 2526 ливров.**

Доступные сведения об этом ордене имеются, пожалуй, лишь в соответствующей статье – «*Cosse de Geneste*» – всемирно известной «Энциклопедии...» Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера, а также в нескольких раритетных каталогах и статьях XIX в.*** Приведем его более детальное описание. На золотой нашей цепи «ветви или плоды дрока, раскрашенные эмалью согласно натуральному цвету, переплетенные с золотыми цветами лилии, которые были заключены в ромб так, что рисунок был ажурным, окрашенные белой эмалью и связанные вместе,

** Там же, с. 102-110.

*** *L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers est une encyclopédie française, éditée de 1751 à 1772 sous la direction de Diderot et D'Alembert.* См. также: Gustav Adolph Ackermann. *Ordensbuch, Sämtlicher in Europa blühender und erloschener Orden und Ehrenzeichen.* Annaberg, 1855, p. 209 n°85 «*Orden von der Gensterblume*» – Google Book (Former orders of France : p. 205-214); Nichols JG. (1842). «III. Observations on the Heraldic Devices discovered on the Effigies of Richard the Second and his Queen in Westminster Abbey, and upon the Mode in which those Ornaments Were Executed; Including some Remarks on the Surname Plantagenet, and on the Ostrich Feathers of the Prince of Wales». In *Society of Antiquaries of London. Archaeologia: or, Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity.* XXIX. J. B. Nichols and Son, London. p. 45.

Геральдический цветочный крест
(«Cross Flory»)

Орден Стручка дрока

откуда вниз свисал цветочный крест». На этом кресте, «Cross Flory», был по-латински начертан девиз ордена «Exaltat humilis» («Ты возносишь смиренных»). Сам крест и стал бэджем, или значком ордена. Увы, наглядных изображений не сохранилось. Здесь мы приводим лишь контурный рисунок, сделанный по этому описанию.

«В честь посвящения в рыцари юношей королевской династии, – рассказывает Жак Ле Гофф, – Людовик Святой устраивал особо торжественные празднества. В XIII веке юный аристократ превращался в мужчину, только когда становился рыцарем. В королевской семье, где король, его братья и сыновья должны быть рыцарями, чтобы соответствовать своему статусу и принять на себя свои функции, посвящение молодых людей в рыцари приобретает особое значение. Поэтому Людовик Святой как король-рыцарь рыцарственной династии на протяжении всего своего правления периодически благодетельствует по-

священием в рыцари своего ордена членов королевской семьи, а также иных особо приближенных к нему особ. И это естественно – орден был семейным, монархическим. А потому не имел

инога устава, кроме воли короля. Это же создавало ордену Дрока исключительную престижность».

Имеются сведения и о членах этого ордена. Так, «седьмого июня 1237 года, в день Пятидесятницы, церковного праздника, который сочетали с большими аристократическими празднествами, включенными в календарь традиционных праздников, состоялось посвящение в рыцари его младшего брата Роберта I Артуа. Тогда же, во время торжественной церемонии во дворце Компьеня, Людовик IX в присутствии многочисленных знатных особ посвятил в рыцари и других благородных юношей. Двадцать четвертого июня 1241 года, в Иванов день, языческий праздник, возобновленный христианской знатью, в Сомюре состоялось не менее торжественное посвящение в рыцари второго брата, Альфонса де Пуатье. В 1246 году, снова в день Пятидесятницы, но уже в Мелене, был посвящен в рыцари третий, самый младший, брат Карл Анжуйский. Братья стали рыцарями по достижении совершеннолетия, в 20 лет, и тогда же король предоставил им во владение апанаж (фр. *apanage*, *удел*, от позднелат. *appano*, *снабжаю хлебом*), завещанный их отцом Людовиком VIII, а они принесли оммаж (фр. *homtage* – *вассальная присяга*) своему венценосному брату и стали его ленниками».

Самым великолепным было посвящение в рыцари «курного сына» короля (эпитет Данте Алигьери) Филиппа, ставшего наследником престола, будущего Филиппа III. Оно произошло 5 июня 1267 года, в Троицын день, который феодальный христианский мир превратил в великий праздник монархии и аристократии, объединив с традиционным праздником весны, и состоялось в саду парижского дворца в присутствии многочисленных вельмож, при огромном стечении народа; тогда же были посвящены в рыцари и многие молодые аристократы. Впечатление усиливалось еще и тем, что Людовик IX только что вновь стал крестоносцем, и многие предрекали, что, будучи слабого здоровья, он едва ли вернется живым. Филипп становился не только наследником престола, но и в недалеком будущем – королем. А стало быть, и главой ордена Дрока.

Вчувствуемся в мотивацию Людовика Святого: учреждая «братский», «интимный» орден Дрока, он создавал из королевской

семья единый и могущественный клан, объединенный основными геральдическими символами династий Капетингов и Плантагенетов – лилий и дрека. Этот клан прочно цементировался системой апанажа – политикой, при которой часть наследственных земельных владений или денежное содержание передавались некоронованным членам королевской семьи. Апанаж назначался каждому принцу как недвижимое имущество, переходящее в случае его смерти опять к государству. В этом был его смысл. Впрочем, он мог переходить по смерти получившего к его наследникам, разделяться между ними, и возвращался государству, только когда его линия угаснет.

«Политика апанажей, оформившаяся в систему при Людовике Святом, – отмечает Ле Гофф, – стала прекрасным средством от распрей между братьями или между отцами и детьми... Она была выражением вечно живой традиции, согласно которой королевский домен считался землей королевской семьи, и каждый сын после смерти отца наследовал свою долю. Но трезвая практика ограничений, должно быть, препятствовала раздроблению королевства и сохраняла права и власть короля».* Апанажи служили материально-психологической основой согласия между Людовиком Святым и его братьями. Братья, по мысли Людовика, являли собою единое целое.

«Апанажи предстают не королевским, а семейным институтом... Но при этом глава семьи не забывает, что он – король». Людовик очень строго соблюдает условия владения апанажем, который подлежит возврату в королевский домен в случае смерти владельца апанажа, не оставившего прямого наследника, или же *в случае его измены сюзеру* (выделено мною. – А. Д.). Это условие окажется значимым для нашего повествования.

Можно видеть, что Людовик Святой тем самым формализовал децентрализацию власти с помощью политики раздачи апанажей, над которыми он сохранял власть, финансируя их благодаря введению долговременных налогов. Эти новые доходы позволили ему также создать во Франции такую армию, которая вместе с войсками его братьев обеспечивала ему ведущую роль в крестовых походах.

* Ле Гофф Ж. Там же, с. 427-428, 492, 543.

Андрей Добродобский

Et on lo dit... en la sua algra
li roets es rosso... qual vestit de blancs
en .ij. caprols .x. es.

Et on lo dit... alos rospida en rospis
al dit... mueren els seu mueren / en .ij. et
pirols .x. es.

Et on comeca a parlar als d'ells d'algo... de
bonot q' deus los haura perit / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell... en q'...
d'avis de oser parlar / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
mueren .ab. s. / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
bra et dir... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

Et on lo d'ell...
d'ia... / en .ij. caprols
.x. es.

ИМЯ ДРОКА

Ведь «братская» идея была, в сущности, разновидностью nepотизма, который тогда достиг невиданных размеров в католической церкви – римские папы ради укрепления своей власти раздавали доходные должности, высшие церковные звания, а также земли родственникам. Так и орден Дрока стал типичной nepотической организацией, или, попросту говоря, семейным кланом. А сама система (инструмент) апанажа вместе с переплетающимися цветками и ветками дрока и лилий оказались в руках Людовика действенными механизмами концентрации власти.

Настолько действенными, что их пытались использовать его коронованные потомки. Так столетие спустя Карл V Мудрый (1364-1380 гг.), который испытывал к своему предку особое почтение, в молитвах просил у Людовика Святого просветить его относительно управления своим народом. В одном из ордонансов он объявляет: «Рассматривая – что серьезно и неизгладимо в нашем сердце, – что наш святой предок и предшественник, наш патрон, защитник и сеньор Людовик Святой, цвет, честь, свет и зеркало не только королевского рода, но всех французов, память о котором остается благословенной и не исчезнет во тьме веков, и о котором говорят, что милостью божьей он совершенно избежал заразы смертного греха и так хорошо управлял королевством и общим делом, что его славная жизнь, предмет всеобщего восхищения, доколе солнце будет ходить по небу, призывает нас и наших наследников последовать его примеру, так, чтобы его жизнь служила нам образцом».* И в самом деле, люди начали сравнивать правление Карла V с благословенными временами Людовика Святого, который традиционно считался хорошим королем (фр.: *bon roi*).

Это восхищение разделял и его сын, Карл VI Возлюбленный (или Безумный) (1380-1422 гг.), который, кстати, первым в истории получил при рождении титул «дофин» и провинцию Дофине в качестве апанажа. Он решил возродить орден Дрока и, «чтобы придать ему больше блеска, возводит его создание к Людовику Святому, «великому человеку» (и святому) династии».** И совершил это в 1396 году в честь свадьбы своей дочери Изабеллы

** Гарро А. Людовик Святой и его королевство. – СПб.: Евразия, 2002, гл. 8.

*** Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 108.

с королем Англии Ричардом II Бордоским (1367-1399) – последним королем династии Плантагенетов. И посвятил его в кавалеры своего ордена. Ричард изображен с этой орденской цепью на шее, коленапреклоненным, на створке Уилтонского диптиха. Ангелы на соседней створке носят на шее похожие цепи. Орденская цепь выглядит иначе, чем при Людовике. На надгробии же самого Ричарда в Вестминстерском аббатстве его скульптура украшена изображением ветвей древа с раскрытыми пустыми стручками.

О «возрожденном» Карлом VI ордене Стручков древа сохранилось куда больше сведений, чем при его предке-учредителе. А коль скоро Людовик Святой был кумиром Карла, то он, надо думать, и полностью воспроизвел его обустройство. И мы благодаря этому можем судить, каким был этот орден при Людовике.

«Карл VI посвящал своих рыцарей в кавалеры ордена Древа лишь в знак наивысшего благоволения и с сопроводительной монаршей грамотой, – пишет историк Джонатан Д'Арси. – Они становились, таким образом, единой «Compagnie du Roy» («компанией короля»), или же «рыцарями короны», и должны были носить специальные ливрейные одежды – белоснежные мантии с фиолетовыми капюшонами, которые украшались вышитой ветвью цветущего древа на правом рукаве (серебряной или золотой, в зависимости от ранга). На другом рукаве – тот же девиз «Exaltat humilis».

Все кавалеры ордена – от короля и принцев крови до самых худородных служителей-министериалов – были обязаны постоянно носить орденскую одежду и орденские регалии – как знаки особой избранности. Иными словами, все они были свитой короля. Униформа создавала некую видимость равенства, братства всех ее членов. Такая идея создания монархического ордена была заимствована Людовиком IX, а затем и Карлом VI, по всей вероятности, у короля Артура и его рыцарей Круглого стола. Она основывалась на чувстве преданности братству и королю, а не на обычном статусе рыцаря. Одним из ее преимуществ было то, что она не ограничивала членства исключительно статусом рыцаря, и даже принадлежностью к мужскому полу. Идея братства «рыцарей короны» обеспечивала альтернативную систему единения между сеньором и вассалом. Ее символами были, раз-

меется, униформы и «бэджи» – значки с изображением «цветочного креста» и начертанного на нем девиза «Exaltat humilis».

Такие значки были своеобразным «членским билетом» и имелись у каждого рыцаря. Они означали особое высочайшее покровительство, близость и причастность их владельца к королевской символике* и обладали, таким образом, исключительной престижностью, созданной непревзойденным сакральным авторитетом Людовика Святого. Он создал типичный монархический клиентский орден, не имевший ни устава, ни ограниченного членства. Его верхушка – ближайшие родственники короля, которые образовывали свои свиты из вассалов-министериалов. Получалось, что вассалы братьев короля и вассалы их вассалов становились как бы братьями самого короля.

Сама символика ордена недвусмысленно обозначала братское единение Капетингов с Плантагенетами, которое могло обеспечить успех крестового похода во главе с Людовиком. Главное – не допускать никаких распрей. Так, в свое время Филипп-Август отнял у англичан области по реке Гаронне. В 1242 г. английский король Генрих III Плантагенет попытался вернуть эти владения своих предков, но потерпел поражение от французов в битве при Тальебуре. Однако Людовик не воспользовался победой и вопреки мнению своих советников, «руководствуясь началами справедливости», уступил Генриху часть этих земель.

Снова проникнемся его соображениями – это было красиво, выгодно и удобно. Потому что Генрих III был с 1236 г. женат на Элеоноре Прованской, родной сестре жены Людовика Маргариты. Тем самым английский король являлся членом французской королевской семьи. И вполне мог быть членом ордена Дрока. И земли были ему переданы на правах апанажа. Это же обеспечивало полную лояльность Плантагенетов. Так, известно, что в декабре 1254 года Генрих III принес оммаж Людовику IX, после чего оба короля встретили Рождество в Париже в семейном кругу.

Другая сестра Маргариты, Санча Прованская, в 1243 г. вышла замуж за младшего брата Генриха III Ричарда Корнуэльского, ставшего в будущем королем Германии (в 1257-1272 гг.). Этот

* D'Arcy Jonathan Dacre Boulton. The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325-1520. – Boydell Press, 2000.

Ричард (он же граф де Пуатье (1225-1243 гг.)) тоже стал членом семьи Людовика Святого на правах апанажа. А такие отношения, несомненно, способствовали участию Ричарда в крестовом походе в 1240 г.

В члены ордена Дрока был в 1267 г. вместе с наследником Филиппом посвящен и старший сын и наследник Генриха III Эдуард I Длинноногий. Его женой была Элеонора Кастильская, она же королева Наварры. Эдуард был верным Людовику «рыцарем короны» и в 1268 г. дал обет отправиться в крестовый поход, но нехватка денег задержала его до августа 1270, и когда он отплыл в Тунис, Людовик IX уже умер.

В тот же Троицин день 1267 г. наряду с Филиппом Смелым и Эдуардом Длинноногим в «рыцари короны» были посвящены и сыновья арагонского короля Хайме I Завоевателя Педро, впоследствии знаменитый («дебелый» – выражение Данте) Педро III Великий (1239-1285 гг.), король Арагона и Валенсии и граф Барселоны, а также Хайме Мальоркский (1243-1311 гг.), который после смерти отца получил во владение вассальное королевство Мальорка. Кроме Балеарских островов в него входили каталонские графства Руссильон и Сердань, а также сеньория Монпелье, виконтство Карла в Оверни и баронство Омела около Монпелье. Эти территории, таким образом, тоже оказались под эгидой Дрока и Лилий. На них сейчас расположены упомянутые муниципалитеты Жинестар, Аржелажер и Жинеста с эмблемами дрока и лилий на гербах. Это немаловажно для нашего сюжета – известно, что «наш» Бернар де Рокафор был родом из Валенсии или Каталонии. Здесь же уместно заметить, что наследник Людовика Филипп III Смелый был женат с 1262 г. на дочери того же Хайме I Завоевателя Изабелле. В 1270 г. она сопровождала супруга в Восьмом крестовом походе в Тунис, где Людовик и скончался. Изабелла была матерью его внуков Филиппа IV Красивого (1268-1314 гг.) и Карла Валуа (1270-1325 гг.). Все они, как и их свиты, могли быть кавалерами ордена Дрока.

Продолжение следует